

Размышления над новой книгой

© 2005 г.

В.Х. БЕЛЕНЬКИЙ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПУТЕШЕСТВИИ ВО ВРЕМЕНИ

БЕЛЕНЬКИЙ Владимир Хононович - доктор философских наук, профессор Государственного университета цветных металлов и золота (Красноярск), действительный член АПН.

Книга, о которой пойдет речь [1], вызвала отклики [2], но не вызвала сенсации. Это объясняется, на мой взгляд, тем, что она посвящена настолько расходящимся с российской действительностью идеям, что немногие читатели могут объективно ее воспринять. Во всяком случае, на меня "повесть жизни" В. Белоцерковского, особенно летопись его жизни в эмиграции, впечатления не произвели. Другое дело - его социологические (с примесью философских, политологических и экономических) взгляды. Здесь социологу есть над чем поразмыслить. Мне - в особенности: влияние В. Белоцерковского явилось одним из факторов, обусловивших мой поворот в конце 1980-х - начале 1990-х годов к идее конвергенции.

Остановлюсь, прежде всего, на методологических воззрениях автора. Он, на мой взгляд, стихийный диалектик. Почему стихийный? Потому что диалектику как метод теоретически он не понимает и не воспринимает. Почему диалектик? Потому что диалектика самой жизни доходит до него, побуждает его действовать в соответствии с ее требованиями, причем стихийный характер диалектики не может не сказываться на уровне мыслей, поисков, доказательств. Покажу это на примере. Автор пишет: "Марксистский социализм представлял собой, на мой взгляд, *антитезис* капитализму, т.е. строился по принципу от противного, через полное отрицание и разрушение всех основ предыдущего строя. Так часто случается при первой попытке создания нового строя. Но антитезисные формации всегда малоэффективны, недолговечны и обречены либо на гибель, либо на трансформацию в синтезный уклад..." (с. 7).

Я обрываю цитату в том месте, где В. Белоцерковский переходит к социально-политическим аргументам, многие из которых достаточно произвольны. То, что у Гегеля и Маркса представлено как *закон отрицания отрицания*, автор считает *ошибкой отрицания отрицания*. Поэтому антитезисный социализм криминируется марксизму, а синтезный социализм трактуется как избавление от марксистской версии социализма. Это не может не вести к глупым ошибкам и противоречиям.

Другим источником таковых является идеализм автора. Идеализмом сейчас никого не удивишь, и я не стал бы об этом писать, но автор претендует на особую разновидность идеализма. настолько своеобразную, что он считает себя материалистом. Правда, материалистическое отождествляется им с внебожественным (с. 133), а идеалистическое противопоставляется меркантильному (с. 139). Канва его рассуждений такова. Главное в оценке социально-экономических преобразований - их соответствие психологической природе человека. Что же определяет и отличает психологическую природу человека от природы других живых существ? Сознание. Оно дает человеку власть над природой и возможность осознать ее величие и красоту. И оно же дает человеку ясное понимание своей смертности, оказывающее двойное влияние на его жизнь. С одной стороны, страх перед смертью и влекущим к ней временем есть, в сущности, стимул для творческой и созидательной деятельности человека, для доброты и любви к себе подобным, рождает стремление к единению с людьми и все лучшее в чело-

веке. Но в страхе смерти заключен и "дьявол" - первоисточник всяческого зла, творимого людьми друг другу.

Страх перед смертью стоит за всеми другими человеческими страхами. Что же может защитить от него? "Думается, полнота жизни - возможность удовлетворять духовные потребности: быть добрым, любить, творить, созидать (и для этого познавать). Иначе говоря, быть нужным людям, быть не одному, ибо вместе легче бороться со страхами и легче "оставить добрый след" (стр. 133). Если же двигаться по пути создания условий для осмысленной жизни на пользу себе и другим людям оказывается не под силу, то остается "броситься в бездну". Исходя из того, что основой психологии человека является осознание смертности [3], В. Белоцерковский приходит к выводу, что основополагающими, фундаментальными потребностями человека в социальной сфере являются потребности самоутверждения и единения с людьми. При переходе от психологии к политике они трансформируются в свободу и власть, к которым добавляется собственность на произведенную продукцию и на средства производства.

Капитализм затрудняет людям единение, а государственный социализм - самоутверждение, да и единение превращает в казарменное единство. Имманентную природе человека гармонию того и другого призван реализовать синтезный социализм. Его сжатая формула - свобода, власть и собственность. Полная реализация этого идеала для каждого человека возможна лишь в результате конвергенции. "Становление уклада, представляющего собой *диалектический* синтез либерализма и коллективизма, социализма и капитализма - дело неизбежное по той причине, что такой уклад дает возможность людям полнее и гармоничнее удовлетворять свои фундаментальные духовные потребности" (с. 139).

Совершенно очевидно, что взгляды такого рода и по форме, и по содержанию есть возврат к идеям домарксистского утопического социализма. Маркс выводил социализм из противоречий капитализма, как средство их разрешения. В. Белоцерковский выводит социализм из его идеальных черт и соответствия природе человека. Это обстоятельство и личная "повесть жизни" породили его враждебность (не критичность, а именно враждебность) к марксизму и марксистскому (советскому) социализму. Эти две характерные для автора черты парадоксальным образом сближают его взгляды с идеологией жестко критикуемого им существующего в современной России режима. Иначе говоря, синтезный социализм получается у автора явно однобоким. Из современного капитализма он берет для синтеза очень много, из того социализма, который оставил реальный след в жизни, не хочет взять ничего. В капиталистическом строе он видит отрицательное и положительное, в советском социализме ничего положительного он не видит.

Отрицательное в капитализме известно со времен Ш. Фурье и других критиков буржуазного строя. Некоторые из его негативных черт, например, конкуренцию, автор трактует как положительные. Что же касается тех черт современного западного общества, которые могут быть характеризованы как свидетельство известной социализации капитализма, то они вызывают у автора неумеренную эйфорию. Некогда журналист А.Д. Сабов бросил слова упрека С. Алексееву, который "вешал лапшу" россиянам по поводу отсутствия капитализма на Западе. "Но 1% взрослого населения США владеет 76% акций и 78% других ценных бумаг" [4]. Не хочу давать столь жесткую оценку иллюзиям о "синтезном социализме на Западе", которые распространяет В. Белоцерковский (гл. 20), тем более, что он сам их в какой-то степени развенчивает. Полагаю, что корни этих иллюзий - в пренебрежении к марксизму и в необъективной оценке многих реалий современности, связанной в числе прочего и с особенностями личной "повести жизни". Но остается фактом, что автор, эмоционально цитируя Р. Рейгана, который на основании таких явлений, как собственность работников, говорил о глупостях Карла Маркса (с. 350), через семь страниц написал: «В целом надо сказать, что "Капиталистический манифест" Келсо не был принят во внимание в капиталистических странах, и Келсо потерпел неудачу в своей главной цели - демократизировать всю массу капитала, придать капитализму демократическое лицо. Суть капитализма...осталась в неприкосновенности. Все родственные Иссопу программы, направленные на то, чтобы наделять капиталом (акциями) все слои населения..., уже совершенно не получили распространения, оказались чистой утопией» (с. 357-358). Автор забыл отметить, что эту утопию как раз и пропагандировал Рейган, да и не только он.

Вообще В. Белоцерковский не подозревает, сколько положений его "повести идей" можно опровергнуть, уточнить, углубить, если опираться на марксизм. Приведу лишь один пример. В книге рассказывается о судьбе металлургического завода "Вейертон стил", которому грозил полный крах. Однако этого не произошло: завод был куплен работниками и стал прекрасно работать. За счет чего же предприятие стало прибыльным? Рабочие пошли на временное со-

крашение зарплаты на треть. Пожилые рабочие согласились отложить на три года выход на пенсию. Это освободило завод от выплаты больших сумм выходных пособий. Был использован опыт повышения производительности и качества труда на других самоуправляющихся предприятиях. Все это не выходит за рамки практики кооперативных фабрик, описанных еще Марксом: "рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т.е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда" [5]. Но наличие таких предприятий и то, что они управлялись так же хорошо и гораздо более честно, чем буржуазные акционерные общества, Ф. Энгельс считал свидетельством не того, что это очаги социализма в капиталистической экономике, а того, что немецкие рабочие готовы совершить экономический переворот [6]. Не говоря уже о собственности рабочих в США, даже значительно более продвинутые формы самоуправления трудящихся в области производства и распределения, подобные испанской федерации кооперативов "Мондрагон", не являются миниатюрным государством кооперативного социализма, как провозглашает автор. Сам он вынужден признать, что "Мондрагон" все-таки остается щепкой в капиталистическом море" (с. 373).

Тем не менее, та часть 20 главы, которая посвящена федерации "Мондрагон", заслуживает особого внимания. Во-первых, она свидетельствует о том, что тенденция социализации капитализма в некоторых странах захватила не только правящие круги, не только верхи, но и низы общества. Во-вторых, федерацией "Мондрагон" накоплен большой опыт организации производственных кооперативов в условиях рыночного хозяйства, который (опыт) имеет серьезное практическое значение для России. В-третьих, для россиян с их коллективистским менталитетом во многих случаях чуждой является безудержная пропаганда мелкого частного бизнеса. Групповой же, коллективный, артельный бизнес в стране почти не пропагандируется и не используется. Автор дает образцы такой пропаганды. Именно в этой связи, отстаивая принцип коллективной собственности, он проявляет глубокое понимание значения трудовых коллективов. В. Белоцерковский - один из немногих общественных деятелей и публицистов, которые с самого начала преобразований в постсоветской России защищали интересы и права трудовых коллективов.

Нельзя, однако, не отметить, что временами автор в своих симпатиях к носителям синтетического социализма на Западе впадает в партикуляризм. Так, целью трудовой деятельности при кооперативном социализме, по его мнению, станет накопление личного благосостояния всех членов трудового коллектива, облегчение и интеллектуализация труда, сокращение рабочего дня (с. 163). Но можно ли свести развитие общества к проблемам трудовых коллективов, даже если эти последние станут важнейшей движущей силой социального прогресса? Не удивительно, что, размышляя о преодолении безработицы, он пишет: "В развитых капиталистических странах безработицу вызывает также отток частных капиталов в страны третьего мира в поисках дешевого труда. И эта причина постепенно отпадет по мере таяния частных капиталов" (с. 164). Не односторонен ли такой подход? Не означает ли он, что страны "золотого миллиарда" бросят на произвол судьбы страны, в которых прозябают другие миллиарды? Наконец, не выдерживает критики и предлагаемая в книге система прямого представительства трудовых ячеек и объединений в законодательно-представительных органах власти. В этом вопросе особенно ощущается дефицит диалектичности, присущий автору. Перспективы системы представительства нельзя рассматривать вне ее связи с развитием производства и его социально-территориальной организации. Если предлагаемый автором принцип представительства ввести при современных формах сочетания производственных и социально-территориальных факторов, то это приведет к углублению и без того острых противоречий между интересами различного уровня. Следовательно, можно ставить лишь проблему постепенного повышения роли трудовых коллективов и ассоциаций в формировании и функционировании представительной системы по мере вызревания объективных условий для этого. Из сказанного вытекает, что позитивное отношение к трудовым коллективам и коллективной собственности не означает, что они могут восприниматься как априорно безусловно хорошие явления, не нуждающиеся ни в каком общественном контроле и управлении.

Что же касается характеристики социальной структуры советского общества, то здесь позиции автора, изложенные, в частности, в 25 главе, оставляют чувство неудовлетворенности. В общем-то они не хуже, чем другие субъективистские подходы к данной проблеме, например, репутационный метод, однако, и хорошего в них мало. В. Белоцерковский строит свой анализ социальной структуры на *впечатлениях* - своих и цитируемых им авторов. На основании впечатлений, жизненного опыта он выделяет шесть слоев, "социально-психологические портреты которых очень сильно различались. Это: 1) партийная номенклатура и бюрократия; 2) научная интеллигенция (техническая); 3) гуманитарная интеллигенция; 4) инженеры,

техники, рабочие и служащие крупной промышленности, научно-прикладных институтов, железнодорожного и авиационного транспорта и т.д. или для краткости: *инженерно-рабочий слой* (...); 5) крестьянство и 6) работники торговли и обслуживания, мелкой промышленности, кустари и т.д." (с. 441—442). Не говоря уже о том, что ряд категорий населения не охвачен этим перечнем, а некоторых категорий практически уже не было (например, кустарей), не ясно, каковы принципы выделения таких *слов*, как 4 и 6, что объединяло относящихся к ним людей и т.п.? Особое внимание уделяется гуманитарной интеллигенции и инженерно-рабочему слою (классу). Например, фиксируются некоторые особенности положения и слабости советской гуманитарной интеллигенции, причем абсолютизируются все негативные и отрицаются все позитивные ее характеристики. В Белоцерковский не видит функциональных задач гуманитарной интеллигенции и акцентирует внимание на ее безнравственности. Без всяких оснований приписывает ей народофобию. Не находит ни слова для описания ее достижений. А объясняется это тем, на мой взгляд, что он отвергает идеологические позиции советских гуманитариев, рассматривает их через призму эмигрантских настроений и склад. Напротив, инженерно-рабочий слой автору сначала очень симпатичен. Но затем он становится гораздо сдержанней в своих оценках и пишет: «Возможно, и в "инженерно-заводском классе", как и среди гуманитарной интеллигенции, произошла за время моего отсутствия в стране глубокая и, может быть, тоже необратимая деградация» (с. 448).

Подводя итоги, следует подчеркнуть глубоко противоречивый характер рассматриваемого произведения. Полагаю, что это не недостаток, а, скорее, отличительная черта этой книги. Такова эпоха, в которую автору довелось жить, такова его "повесть жизни", таково его творчество. Не случайно, что при всех своих заблуждениях по отношению к марксизму он преклоняется перед Лениным, высоко оценивает Октябрьскую революцию. В отличие от усердствующих политиканов он имеет историческую память и понимает, что вычеркнуть из всемирной истории такие даты, как 14 июля и 7 ноября, невозможно. Подлинный пафос книги В. Белоцерковского связан с мыслью о невозможности создать в постсоветской России развитый капитализм, с главными ее идеями - конвергенции, синтезного социализма, трудовых коллективов. Мои представления об этих ценностях и их значении принципиально отличаются от представлений автора. Но его преданность этим идеям, его усилия по их пропаганде и осуществлению в России не могут не вызывать глубокого уважения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Белоцерковский ВВ.* Путешествие в будущее и обратно: Повесть жизни и идей. М.: РГГУ. 2003.
2. См., например, статью *М. Шатрова* «Дальтонизм ко злу. О конвергенции, "управляемой демократии" и нашей интеллигенции» в "НГ - Ex Libris". 2003. 11 декабря.
3. Феномен смерти оказывает существенное влияние на общественную жизнь. Но В. Белоцерковский трактует это влияние в высшей степени абстрактно: "природа человека неизменна, ибо зависит от осознания им своей смертности" (с. 139). Он не учитывает того, что ясно даже журналистам: каждой культуре присуще свое отношение к смерти (см.: *Сырова С.* Служитель Танатоса; *Медведев Ю.* Моцарт с бубном // Российская газета. 2004. 28 июля). Разве не о том же свидетельствует практика современного терроризма?
4. Российская газета. 2001. 14 марта.
5. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. III. С. 483.
6. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 380.